

Къ кончинѣ В. О. Коммиссаржевской.

Петербургъ.

(Отъ нашего корреспондента).

Задержка съ отправкой тѣла.

Съ перевозкой тѣла В. О. Коммиссаржевской изъ Ташкента произошла нѣкоторая задержка.

Какъ извѣстно, тѣло должно было быть отправлено еще вчера вечеромъ. Но по желѣзно-дорожнымъ условіямъ оказалось невозможнымъ прицѣпить траурный вагонъ къ поѣзду. Въ виду этого, тѣло будетъ отправлено только сегодня вечеромъ и въ Москву прибудетъ 20-го февраля.

Похороны состоятся въ Петербургѣ 21-го февраля, на кладбищѣ Александровской лавры.

На гробъ Вѣры Федоровны возложено болѣе 40 вѣнковъ.

Стипендія имени покойной.

Среди учащейся молодежи въ Петербургѣ идетъ сборъ на стипендію имени покойной, одну при высшихъ женскихъ курсахъ и другую при университетѣ.

(Соб. кор.).

Тифлисъ, 13-го февраля. Въ мѣсячномъ соборѣ и въ помѣщеніяхъ театровъ совершены панихиды по В. О. Коммиссаржевской.

(Соб. кор.).

Москва.

Панихиды по В. О. Коммиссаржевской.

Вчера въ церкви Космы и Даміана отслужена панихида по В. О. Коммиссаржевской, привлекая массу молящихся. Храмъ былъ переполненъ, именно публичкой въ широкомъ смыслѣ, той толпой, которая поклонялась таланту Вѣры Федоровны.

Прекрасное и совсѣмъ необычное въ наше время гоненіе со стороны духовенства на театр и запрещенія панихидъ по В. О. Коммиссаржевской, какъ это сдѣлалъ въ Саратовѣ епископъ Гермогенъ, слово сказали мѣстный священникъ:

— Я,—говорилъ онъ,— не знаю Коммиссаржевской, не видалъ ее и буду говорить объ ней, какъ слышалъ отъ добрыхъ людей. Въ церкви отрицательное отношеніе къ театру началось со времени римскаго „хѣтба и зрѣлищъ“, но искусство само по себѣ высокая красота, а красота—это самъ Богъ. Въ религіи участвуетъ искусство въ видѣ музыки, въ видѣ живописи на стѣнахъ храма, въ религіи нѣтъ театральнаго искусства, но само по себѣ театральное искусство бываетъ низменное, достойное

„Гражданская панихида“.

(Вчера на траурномъ утрѣ въ Художественномъ театрѣ).

Въ совершенно необычной обстановкѣ поминулъ вчера память В. О. Коммиссаржевской Художественный театр.

Въ фойѣ театра на стѣнѣ, задрапированной чернымъ, красовался прекрасный портретъ Коммиссаржевской изъ художественнаго кружка; у его подножья огромный снопы изъ живыхъ цвѣтовъ и пальмовыхъ вѣтвей; букетъ цвѣтовъ былъ воткнутъ еще отдѣльно рядомъ съ портретомъ на стѣнѣ. Возвышеніе, столъ и ряды стульевъ. Присутствуютъ почти исключительно артисты московскихъ драматическихъ театровъ, и это даетъ настроеніе интимности; кромѣ артистовъ, представлена почти вся наша театральная критика и изъ драматурговъ—П. Д. Боборыкинъ и И. В. Шпажиский.

— Дорогие друзья,—обращается В. И. Немировичъ-Данченко къ собравшимся,—разрѣшите такое обращеніе, болѣе соответствующее людямъ одной профессіи, объединеннымъ одной глубокой скорбью, охватившей насъ при вѣсти о смерти Коммиссаржевской. Давно уже требовалось объединеніе въ одну семью представителей драматическихъ театровъ въ дни постигающихъ ихъ скорбей не только для молитвы, но и для воспоминаній. Это будетъ первый опытъ гражданской панихиды. Тутъ нѣтъ протеста противъ лицъ, отъ которыхъ зависитъ теченіе нашего дня. Правда, мы получили отказъ отслужить въ театрѣ панихиду по В. О. Коммиссаржевской, потому что въ театрахъ панихиды запрещены. Въ театральномъ обществѣ служили панихиды, въ театральномъ училищѣ ее будутъ служить сегодня, а въ театрѣ, для котораго существуютъ эти учрежденія, панихиды быть не могутъ. Но наше сердечное настроеніе не таково, чтобы протестовать противъ порядковъ, которыхъ мы не понимаемъ. Мы протестуемъ только противъ рока, который вырвалъ изъ среды насъ одинъ изъ выдающихся талантовъ—свѣточъ искусства, освѣщающій это искусство; неумолнимый рокъ вырвалъ одинъ изъ тѣхъ громадныхъ талантовъ, творчество котораго въ тайнахъ природы, освѣщавшихъ путь намъ и насъ самихъ. Обаяніе этого таланта было не только въ томъ, что онъ привлекалъ людей, но главнымъ образомъ въ томъ, что онъ утверждалъ въ насъ вѣру, что наше дѣло не только прекрасное ремесло, но и божественный даръ. Страшно, когда такой талантъ вырывается изъ нашей среды, и когда мы знаемъ, что такихъ свѣточей немного, мы должны особенно остро чувствовать это.

В. И. приглашаетъ присутствующихъ прежде всего провозгласить вѣчную память Коммиссаржевской! Всѣ встаютъ съ мѣстъ и вѣдаютъ, закрытый отъ пу-

сужденія, но бываетъ и высокое, представительницей котораго являлась В. О. Коммиссаржевская, почему батюшка призывалъ помолиться объ упокоеніи ея души.

Въ 3 ч. дня служили панихиду въ церкви театральнаго училища артисты Малаго театра. Присутствовала почти вся молодая часть труппы. Изъ старыхъ артистовъ были лишь А. И. Юкинъ и В. А. Сашинъ, отсутствовали оперные артисты Большого театра, балетъ представлентъ В. Д. Тихомировымъ, Е. В. Гельцеръ, Воллининымъ и другими. Кромѣ артистовъ Императорскихъ театровъ присутствовали: К. С. Станиславскій, Вл. И. Немировичъ-Данченко, А. Л. Вишневицкій, В. В. Лужскій, И. М. Москвинъ, членъ совѣта театральнаго общества А. А. Бахрушинъ, представители театральной критики, воспитанники театрального училища, заведующій монтажно-монтажной частью г. Божовскій.

При провозѣ тѣла В. О. Коммиссаржевской отъ труппы Малаго театра на гробъ будетъ возложенъ вѣнокъ.

Сегодня, въ 11 часовъ утра, въ церкви Василия Кесарійскаго на Тверской-Ямской будетъ отслужена панихида по инициативѣ учениковъ курсовъ драмы А. И. Адашева.

Московскіе студенты и В. О. Коммиссаржевская.

Вчера, по инициативѣ студенческаго общества любителей изящныхъ искусствъ и литературы, состоялось въ университетѣ собраніе представителей всѣхъ землячествъ, объединившихся, чтобы совместно почтить свѣтлую память В. О.

На этомъ засѣданіи постановлено возложить отъ имени студенчества московскаго университета на гробъ артистки вѣнокъ, для каковой цѣли устроить сборъ денегъ среди студентовъ. Депутатъ отъ общества любителей изящныхъ искусствъ обратилась, между прочимъ, къ ректору университета А. А. Мануйлову съ просьбой разрѣшить панихиду по В. О. Коммиссаржевской въ университетской церкви. Но на эту просьбу послѣдовалъ отказъ. Причины отказа—формальныя.

Сотрудницамъ и сотрудникам сезона 1909 г. театра В. О. Коммиссаржевской.

Черезъ нашу газету группа сотрудниковъ проситъ оповѣстить, что предполагается почтить память В. О. Коммиссаржевской возложеніемъ вѣнка при слѣдованіи тѣла черезъ Москву. За справками проситъ обращаться въ драмшколу Пельцера отъ 1—8 веч. Тверская, пассажъ Постникова, кв. 95.

блики хоръ, трогательно поетъ „вѣчную память.“ Молитвенное настроеніе нарастаетъ въ залѣ, у многихъ на глазахъ слезы; всѣ подавлены глубокой скорбью.

Программы дальнѣйшаго нѣтъ, и В. И. Немировичъ предлагаетъ высказаться желающимъ.

На кафедрѣ выходитъ маститый П. Д. Боборыкинъ. Онъ говоритъ, что въ В. О. Коммиссаржевской была осуществлена мечта друзей театра видѣть на сценѣ молодую женщину прямо изъ жизни, принесшую въ театръ комплексъ личныхъ и подчасъ очень горькихъ испытаній. Она являлась типичнымъ выраженіемъ трепетаній женской души и общественной фizioноміи русской женщины на рубежѣ двухъ вѣковъ. Ея трагическая судьба показателна вѣчно новаго въ театрѣ показала, что она не выступила во всеоружіи театральнахъ традицій, можетъ быть, прекрасныхъ и почтенныхъ, но мѣшающихъ той чуткости, которой блистала Коммиссаржевская. Она явилась на сцену не съ извѣстными симпатіями или антипатіями, не съ программами, установленными сценическими традиціями, а съ извѣстными порывами, и надо желать чтобы русскій театръ постоянно обновлялся такими самородками, выхваченными изъ жизни, чтобы они вносили въ театрѣ и трепетаніе женской души, и чуткость къ критикѣ, и вниманіе къ новымъ теченіямъ въ литературѣ.

Душевное волненіе мѣшало продолжать оратору.

Кн. А. И. Сумбатовъ началъ свое краткое слово съ того, что и впрямь не время говорить сейчасъ, когда лучшая дорогая часть тѣла, огромный нервъ, которымъ театрально дѣло, слѣдуетъ въ запяномъ гробу изъ Средней Азии, чтобы получить послѣднее „прости“.... Это страшное событіе, которое русской сценѣ приходится переживать каждый годъ, и чтобы его оцѣнить, понять, нужно не собраніе, а огромное изслѣдованіе, въ которомъ каждое слово должно быть взвѣшено. Пока же ораторъ пользуется двумя моментами жизни В. О. и обстановкой ея кончины, чтобы очертить культурную работу русскаго актера. Ничего не было дано для развитія русскаго театра: крѣпостные актеры, бездорожье, отклоненіе панихидъ по артистамъ въ началѣ XX вѣка, не мѣшающее, однако-жъ, молитвенному настроенію, голодъ, нужда, пѣшее хожденіе не помѣшали русскому актеру вносить въ атмосферу рабства и насилия струю красоты, свободы, правды, истины. Стоитъ только посмотреть, гдѣ умерла Коммиссаржевская, чтобы понять, какой культурный путь совершенъ неумолимымъ, часто униженнымъ и голоднымъ русскимъ актеромъ. И въ смерти Вѣры Федоровны мы видимъ, какъ настоящій

родникъ таланта близокъ всей русской жизни. Въ день ея смерти общественное вниманіе было приковано къ другимъ событіямъ—къ чествованію представителей великой французской націи, но вѣсть о смерти Коммиссаржевской набросила темный флеръ даже на эти торжества. Это слишкомъ страшная безсмысленная смерть, чтобы въ память этой тяжелой утраты каждый не носилъ въ душѣ сознаніе великой миссіи русскаго актера, которую съ такой полнотой воплощала нашъ усомнѣнный гениальный товарищъ.

Трогательное слово посвящаетъ Вѣрѣ Федоровнѣ Н. Е. Эфросъ, пытавшійся охарактеризовать ее, какъ человека. Получивъ извѣстіе объ ея смерти, онъ сдѣлалъ попытку разобраться въ ея письмахъ. Сколько глубокаго пониманія искусства, пониманія жизни въ этихъ письмахъ, несвязныхъ, отрывочныхъ, неразборчивыхъ.

„Я никогда не умѣла,—писала Коммиссаржевская,—жить настоящимъ. Я живу только будущимъ. Въ этомъ—великая моя трагедія, но и великое мое счастье“.

С. В. Потресовъ-Яблоновскій касался больше своихъ личныхъ воспоминаній о впечатлѣніяхъ, которыя произвела на него Коммиссаржевская, цитировалъ свои стихи, эспрентомъ написанные 10-ть лѣтъ тому назадъ съ призывомъ вернуться въ Харьковъ.

О первыхъ шагахъ сценической дѣятельности Коммиссаржевской въ Новочеркасскѣ, говорилъ Н. В. Туркинъ.

Мы не передаемъ подробно рѣчей театральнахъ критиковъ потому, что все ими сказанное въ этомъ собраніи является до извѣстной степени повтореніемъ написаннаго ими въ первые дни по кончинѣ В. О. Коммиссаржевской.

Прекрасное стихотвореніе Лоло, съ чувствомъ прочитанное А. И. Адашевымъ, закончило трогательно-печальное торжество. Вотъ это стихотвореніе:

Можно-ли молиться за В. О. Коммиссаржевскую?

Умерла Вѣра Федоровна Коммиссаржевская, и такъ понятно было желаніе почтить ея память всѣмъ тѣмъ, кто видѣлъ ее на сценѣ, кто любилъ славную артистку,—вѣдь нельзя было видѣть и не любить ея.

Быстро облетѣла Россію тяжелая вѣсть, и печаль искренняя была, и много непритворныхъ слезъ было пролито, потому что, дѣйствительно, велика потеря.

Почтили память Вѣры Федоровны—кто какъ умѣлъ. И прежде всего, какъ водится, панихидами.

Но случилось имъ нно то, чего меньше всего можно было ждать.

Изъ вчерашняго № „Утра Россіи“ читатели наши знаютъ, что саратовскій епископъ Гермогенъ, прославленный уже давно, а послѣдними выступленіями противъ андеевскихъ пьесъ особенно прославившійся, отмѣнилъ панихиду по В. О. Коммиссаржевской. И, отмѣнивъ, послалъ запросъ въ Ташкентъ, желая знать: „чѣмъ богѣла артистка, была ли она православной, когда исповѣдывалась“.

Панихиды, въ тѣхъ же саратовскихъ храмахъ, — и панихиды торжественныхъ, по разнымъ лицамъ, — служатся множество. Почему епископъ Гермогенъ ни разу не чинилъ препятствій (кромѣ тѣхъ, конечно, случаевъ, когда панихиды грозили принять характеръ политической демонстраціи)?

И почему чинились препятствія къ панихидѣ именно по Коммиссаржевской, за болѣзнью которой такъ внимательно слѣдили газеты, о разрѣшеніи перевезти тѣло которой такъ хлопотали?

Второй вопросъ епископа Гермогена: была ли артистка православной? Вопросъ тоже имѣетъ основаніе: если покойная была лютеранкой, католичкой—о ней нельзя молиться православнымъ.

Да, была, это великолѣпно знали въ Саратовѣ, гдѣ не разъ, съ огромнымъ успѣхомъ выступала Вѣра Федоровна, гдѣ проживала недѣлями— и ужъ, конечно, полиція прописывала ея видъ. Домъ саратовскаго епископа и полицейское управленіе—помѣщаются vis-a-vis, всего перейти одну соборную площадь надо. Не правда ли, справиться можно было гораздо проще и удобнѣе (если это ужъ такъ нужно было!), чѣмъ посылать запросъ въ Ташкентъ. Зачѣмъ же саратовскій епископъ дѣлалъ это?

Надъ сдохорехными мечтами...

Не надо пошлыхъ фразъ, не надо жалкихъ словъ!

Склонитесь, скорбные, съ безмолвными устами

Надъ сдохорехными прекрасными мечтами...

Придите съ бѣлыми, печальными цвѣтами

Къ могилѣ нашихъ грезъ и лучезарныхъ сновъ.

Молитесь о сестрѣ, покинутые братья!..

Молился-бы и я, но нѣтъ святыхъ молитвъ.

Давно я ихъ забылъ среди „житейскихъ битвъ“,—

Остались у меня въ душѣ одни проклятья...

Они въ груди моей клокочутъ и ревутъ,—

И всю ихъ гнѣвную, мятущуюся стаю Тебѣ, Судьба иль Рокъ, иль—какъ тебѣ зовутъ?—

Тобой ограбленный, сегодня я бросаю!

Ты, погасившій свѣтъ глубокіхъ, вѣщихъ глазъ,

Ты, посмѣявшійся надъ дивными чертами,—

Кого ты взялъ у насъ, кого ты взялъ у насъ

Что сдѣлалъ съ нашими завѣтными мечтами!..

Собравшимся былъ предложенъ чай въ верхнемъ фойѣ; всѣ разбѣжались на группы и все время бесѣдовали о коммиссаржевской.

По предложенію В. И. Немировича-Данченко посланы телеграммы брату артистки О. О. Коммиссаржевскому, съ выраженіемъ глубокаго соболезнованія и оставшимся въ Ташкентѣ больнымъ оспой артистамъ—съ пожеланіемъ скорѣйшаго выздоровленія...

Третій вопросъ епископа Гермогена: когда она исповѣдывалась? Этотъ вопросъ уже совсѣмъ непонятенъ.

Пусть Вѣра Федоровна была плохой христианкой (я не знаю этого, но пусть!), и давно уже не была у исповѣди, такъ развѣ она за то отлучена отъ церкви? Развѣ она лишена церковнаго погребенія и молитвъ церковныхъ?

Вѣдь, это же не такъ, и епископъ Гермогенъ не могъ не знать этого. Зачѣмъ же онъ спрашивалъ?

Но если бы даже нельзя было молиться за человека, давно не бывшаго на исповѣди, если бы епископу, дѣйствительно, необходима была эта справка,—кто въ Ташкентѣ могъ бы отвѣтить на его вопросъ? Вѣра Федоровна умерла. Послѣ нея остался паспортъ. Но вѣдь въ паспорта у насъ не проставляются такія свѣдѣнія. Епископъ Гермогенъ зналъ, что ему никто на его вопросъ не сумѣетъ отвѣтить. Зачѣмъ же онъ спрашивалъ?

И отвѣтъ на всѣ эти „зачѣмъ“—одинъ. Все это сдѣлано потому, что Коммиссаржевская была артисткой.

Взглядъ епископа Гермогена на театр и на артистовъ—извѣстенъ. Въ своемъ посланіи по поводу „Анатомы“ и „Аннеи“, саратовскій епископъ привелъ много цитатъ изъ древнихъ отцовъ и учителей церкви о тогдашнемъ театрѣ, о тогдашнихъ языческихъ театральнахъ представленіяхъ.

Такъ развѣ о нашемъ театрѣ, о театрѣ Коммиссаржевской писали отцы?

Читаешь ихъ страшныя, суровыя обличенія, а передъ глазами неотступно стоитъ Вѣра Федоровна—сестра Беатрикса, и слышишь ея голосъ, полный благоговѣнаго отчаянія и страшнаго душевнаго надрыва:

— Владычица, я не могу молиться!..

Развѣ о ней, о сестрѣ Беатрисѣ, писали древніе обличители театра? Но и они, оберегая христианъ отъ театральнахъ соблазновъ, развѣ они запретили молиться за актеровъ, отлучили ихъ отъ церкви?

Еп. Гермогенъ, не зная современнаго театра, ненавидитъ его. Но сводить счеты съ театромъ у гроба одной изъ лучшихъ служительницъ его—развѣ это ужъ такъ по-христиански?

Такъ можно ли молиться за Вѣру Федоровну?

И можно, и должно—и молиться за нее, и любить ее, и свято чтить ея свѣтлую память.

Еп. Гермогенъ—онъ останется одинокимъ...

СЕРГѢЙ САРАТОВЪ.